

Страницы истории рабочего движения

Всеобщая стачка и социал-демократия

I

При изучении истории ревизионизма следует учитывать такой фактор, как роль профсоюзов, которые в 1892 г. на съезде СДПГ в Хальберштадте централизованно организовались под руководством Карла Легина, для которого профсоюзная борьба не была больше важным аспектом классовой борьбы, а стала сражением за *«равенство прав»*.

Решение о слиянии профсоюзов в обширные централизованные ассоциации и отказе от любых политических действий было навязано так называемым “локалистским” течением, представленным Рафаэлем Фридебергом и находящимся под влиянием анархо-синдикализма.

Десятилетие профсоюзов

Преодоление задержки в развитии профсоюзов – вызванной прежде всего отсталостью условий в Германии по сравнению, например, с Великобританией, – последовало за принятием Исключительного закона против социалистов, в период, названный Францем Мерингом *«десятилетием профессиональных организаций»*¹. Если в 1893 г. в профсоюзы были организованы немногим более 200 тыс. рабочих, то в 1902 г. это число выросло до 733.206. Энергичный рост продолжился и в последующие годы: по данным Генриха Августа Винклера (*“Grande storia della Germania”*), в 1906 г. число членов достигло 1,6 млн, что более чем в 4 раза превышало численность СДПГ, которая в то время насчитывала 384 тыс. членов. Жак Дро указывает, что накануне первой мировой войны, в 1913 г., в профсоюзах состояли почти 2,5 млн членов. При таких масштабах, пишет Винклер, профсоюзы приобрели *«достаточно самосознания, чтобы поставить сохранение своей собственной организации выше всех других целей и отказаться подчиняться партии»*.

Профсоюзная сфера по самой своей природе является территорией идеологической борьбы и межклассового влияния. Это происходит потому, что, как пишет историк Михаэль Штюрмер в *“Das ruhelose Reich”*, *«сам факт необходимости измерения соотношения сил, существующих между государством, рабочим движением и предпринимателями, представляет собой водораздел в социальной истории, более важный, чем создание империи»*. Проблема проявилась в беспорядках в Германии на рубеже веков, напоминает Штюрмер: *«Массовые забастовки 1899 года на угольных шахтах Рура и Силезии научили многих, что значит бояться. Это не было революцией, но раздалась стрельба и пролилась кровь»*.

Церковь, признав историческую тенденцию развития пролетариата, предложила свой опыт и организационную силу. Линию Ватикана по социальному вопросу на десятилетия вперед предвосхитил активизм католического епископа Вильгельма Эммануэля фон Кеттелера с его энцикликой *“Rerum Novarum”* 1891 г. Среди рабочих начали укореняться христианские профсоюзы, связанные с Zentrum.

В то же время либералы и прогрессисты также нашли в профсоюзах свою новую клиентуру, особенно среди служащих, напуганных массовыми забастовками 1899 г. и дистанцировавшихся от социал-демократии.

Профсоюзы и ревизионизм

Дро пишет: *«Даже если не принимать чью-либо сторону в полемике о ревизионизме, то всё равно придётся отметить, что профсоюзы являлись лучшими союзниками ревизионизма в борьбе с “ортодоксией” [и] фактически [...] демонстрировали глубокое недоверие к партии»*. Это недоверие только усилилось, когда Роза Люксембург в книге “Социальная реформа или революция?”, отвечая на тезисы Эдуарда Бернштейна, написала, что фронт экономической борьбы, как бы он ни был *«необходим»*, всё же представляет собой *«своего рода сизифов труд»*². Формула Люксембург была использована Карлом Каутским в 1906 г. в тексте “Путь к власти”³, за что профсоюзные лидеры обвинили его в *«анархо-социализме»*.

В работе “Что делать?” Ленин настаивал на роли партии в привнесении классового политического сознания *«извне»*, то есть *«извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам»*. В самом деле: *«Область, из которой только и можно*

почерпнуть это знание, есть область отношений всех классов и слоёв к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами»⁴.

Однако в Германии сила профсоюзов была такова, что партия сама изнутри подверглась влиянию реформизма профсоюзной практики. Историк Ханс-Йозеф Штайнберг в книге *“Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie: zur Ideologie der Partei vor dem 1. Weltkrieg”* документально подтверждает, что *«в 1912 году парламентская фракция рейхстага на треть состояла из профсоюзных деятелей».*

Роза Люксембург в своей работе разоблачает теоретический подход Бернштейна, указывая на роль, которую тот отводил профсоюзам: *«Таким образом, оба бернштейновские средства социалистической реформы – товарищества и профессиональные организации – оказываются совершенно неспособными преобразовать капиталистический способ производства. В сущности, Бернштейн сам смутно сознаёт это, рассматривая их только как средство урвать сколько-нибудь из капиталистической прибыли и обогатить таким способом рабочий класс. Но в таком случае он отказывается от борьбы с капиталистическим производством и направляет социал-демократическое движение против капиталистического распределения. Бернштейн не раз формулирует свой социализм как стремление к “справедливому”, к “более справедливому” (стр. 51 его книги) и даже к “ещё более справедливому” ([Vorwärts], 26-го марта 1899 г.) распределению»⁵.*

На этой почве социал-демократия всё чаще становилась выразителем интересов технических специалистов и бюрократов. Историк Вольфганг Абендрот говорит о *«бюрократической институционализации»* партии, профсоюзов и рабочих кооперативов, поэтому было *«естественно»*, что *«сам институт в конечном итоге стал [...] более важным, чем цель, ради которой он появился на свет».* Дро комментирует: эти администраторы, работали ли они в секретариате партии, в редакции газеты или в парламенте, жили не ради рабочего движения, а за счёт него, поэтому *«очевидно, что эта новая категория не могла быть не встревожена перспективой действия, выходящего за рамки правового поля и ставящего под угрозу полученные материальные результаты».* Эту эволюцию хорошо иллюстрирует фигура Фридриха Эберта. Назначенный секретарём партии в 1905 г., он воплощал собой тип милитанта, *«радикально противоположный»* революционерам предыдущего поколения, замечает Дро.

Энгельс о стачках

В начале империалистического XX века немецкая социал-демократия столкнулась с тремя крупными, тесно связанными между собой проблемами: проблемой отношений между профсоюзами и партией, проблемой всеобщей стачки и проблемой значения Русской революции в контексте революционных перспектив Западной Европы. Так, исторические коллизии Русско-японской войны и Первой русской революции 1905 г. выдвинули на повестку дня проблемы империалистической войны и вопрос о партии. Франко-германское противостояние по поводу Марокко и Танжерский кризис породили призрак европейской войны.

Дебаты по поводу всеобщей стачки уже десятилетиями велись в рабочем движении, но теперь возобновились в новом контексте. I Интернационал на своём конгрессе в Брюсселе 1868 г., когда английский тред-юнионизм представлял собой наиболее передовую точку классового развития, одобрил предложение бельгийцев и призвал *«бастовать против войны».* Маркс в письме к Энгельсу от 16 сентября 1868 г. определил это как *«бельгийскую нелепость»⁶.*

Впоследствии всеобщая стачка стала знаменем бакунистов, которые на Женевском конгрессе 1873 г. указали на неё как на орудие свержения буржуазного общества. Энгельс в рамках полемики против анархистов в Интернационале подверг критике эту концепцию в серии статей, опубликованных в *Volksstaat* осенью 1873 г. под заголовком *“Бакунисты за работой”:* *«Спасением для них должна была стать всеобщая стачка. В бакунистской программе всеобщая стачка служит тем рычагом, при помощи которого совершается социальная революция. В одно прекрасное утро все рабочие всех отраслей промышленности какой-либо страны или даже всего мира прекращают работу и этим вынуждают имущие классы, самое большее через месяц, либо принести повинную, либо же напасть на рабочих, и тогда последние получают право защищаться и воспользуются случаем, чтобы опрокинуть*

всё старое общество». Однако, продолжает Энгельс, для этого «необходима организация всего рабочего класса и наполненная касса. А в этом-то и вся загвоздка!». «С одной стороны, правительства [...] никогда не допустят, чтобы организация и касса рабочих достигли такого уровня; с другой стороны, политические события и притеснения со стороны господствующих классов приведут к освобождению рабочих гораздо раньше, чем пролетариат успеет создать эту идеальную организацию и этот колоссальный резервный фонд. А если бы он обладал ими, ему незачем было бы идти окольным путём всеобщей стачки, чтобы достигнуть цели»⁷.

Энгельс, таким образом, подчёркивает различие между экономической и политической борьбой, указывает на ключевую роль организации и, следовательно, партии, и говорит об анархистской позиции как о благодушной иллюзии, которая не способна оценить действительное соотношение сил. Он, конечно, не исключает инструмента всеобщей стачки, посредством которой пролетариат при помощи экономических требований может достигать в том числе и политических целей, но указывает, что этот инструмент следует оценивать с учётом конкретных условий: в 1893 г., когда в Австрии сильное движение поддержало всеобщую стачку, чтобы добиться всеобщего избирательного права, в некоторых письмах Виктору Адлеру и Каутскому Энгельс советовал не проводить подобной проверки силы в австрийских условиях, но не отвергал самого принципа. В общем, всеобщая стачка для Энгельса была лишь *одним из* методов борьбы: не общей формой революции, но её возможной частью, и в любом случае лишь «окольным путём» по отношению к борьбе между классами за политическую власть.

Ленин и “школа забастовки”

Даже Ленин, который твёрдо придерживался концепции классового сознания привнесённого извне, а, следовательно, необходимости борьбы за партию, в статье “О стачках”, написанной в 1899 г., но впервые опубликованной в 1924-м, подчёркивает значение забастовки как школы борьбы: *«Каждая стачка напоминает капиталистам, что настоящими хозяевами являются не они, а рабочие, которые всё громче и громче заявляют свои права. Каждая стачка напоминает рабочим, что их положение не безнадежно, что они не одиноки»*. Ленин вспоминает песню немецких рабочих, в которой о пролетариате говорится: *«Все колёса остановятся, если захочет того твоя сильная рука»⁸*.

В экономической борьбе может возникнуть и более общая идея: *«Всякая стачка наводит рабочих с громадной силой на мысль о социализме – о борьбе всего рабочего класса за своё освобождение от гнёта капитала»⁹*. Но революция и борьба за политическую власть, подчёркивает Ленин, не могут быть вверены тред-юнионистскому спонтанеизму: необходим инструмент партии-стратегии, потому что, как он пишет в “Что делать?»: *«Без революционной теории не может быть и революционного движения»¹⁰*.

Январь 2024 г.

¹ - Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество “Просвещение”. Выпуск восьмой, 1896. С. 5. С. 259.

² - Люксембург Р. Социальная реформа или революция? М.: Госполитиздат, 1959. С. 62.

³ - Каутский К. Путь к власти. М.: Госполитиздат, 1959.

⁴ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 79.

⁵ - Люксембург Р. Указ. соч. С. 63.

⁶ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 122.

⁷ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 18. С. 460, 461.

⁸ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 4. С. 293.

⁹ - Там же. С. 294.

¹⁰ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 24. Ленин повторяет мысль Плеханова о том, что *«без революционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова»* (Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Сочинения. В 24-х т. Т. II. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 71).